

ЭДУАРД
ЛИМОНОВ

ЗНАМЕНИТЫЕ УКРАИНЦЫ

Михаил Павлович Загребельный

Эдуард Лимонов

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4519501

Эдуард Лимонов: Фолио; Харьков; 2010

ISBN 978-966-03-3402-1

Аннотация

Эдуард Лимонов – русский писатель, публицист, политический деятель, основатель и председатель запрещенной в России Национал-большевистской партии (НБП), председатель одноименных партии и коалиции «Другая Россия», организатор и постоянный участник гражданских акций протеста... Всех ипостасей этого человека не перечесть. Он родился в России в 1943 году, но долгое время жил на Украине, в Харькове. Об этом городе он писал во многих своих произведениях. В 1974 году Лимонов эмигрировал в США, потом переехал во Францию. И везде, где бы ни жил, Лимонов занимался двумя вещами – литературой и политикой. Его книги изданы на многих языках. Он и сегодня активно печатается и принимает не менее активное участие в политической жизни России.

Содержание

Предисловие от автора	4
Дзержинск. Харьков. Москва. Рождение поэта. 22.02.1943–30.09.1967	12
Конец ознакомительного фрагмента.	24

М. Загребельный Эдуард Лимонов

Предисловие от автора

За что классик современной литературы Эдуард Вениаминович Савенко (Лимонов) восемь лет был невъездным в Украину и даже не смог в родном Харькове проводить в последний путь отца? За убеждения? За то, что несколько его ребят-однопартийцев 24 августа 1999 года на два часа мирно захватили башню Клуба моряков в Севастополе? Или мы имеем дело с такими близкими и родными обычаями мещанской нетерпимости к таланту?

– Лимонов? Лимонов – необычайно любопытное существо с талантом, проявляющимся на уровне нейрофизиологии; его исключительный ум подсказывает ему кратчайший путь к достижению лучшего результата в самых разных областях деятельности; он всегда выбирает лучший эпитет, лучший глагол, лучший способ жизнестроительства; думаю, интересно изучить его органы высшей нервной деятельности – как Ленина, Павлова, Уэллса. Если б я был дипломированным сотрудником Института мозга и имел возможность считывать данные непосредственно из головы, как из Джона

Малковича, то взялся бы исследовать биографию этого мозга без малейших колебаний. Никакой другой способ писать сейчас книжку о жизни Лимонова не кажется мне правильным. Дело еще в том, что про Лимонова пока что невозможно создать объективную книгу так, чтобы эта «правда о Лимонове» не была использована против него спецслужбами; меньше всего мне хотелось бы, чтобы этому человеку как-то повредила моя про него книга; я думаю, что дело, которое он делает, он делает, как всегда, очень хорошо, – ответил писателю и журналисту Захару Прилепину литературный критик и писатель Лев Данилкин на вопрос, почему не взялся за книгу о писателе.

О том, что одно-единственное упоминание о намерениях издать биографию Эдуарда Лимонова непременно вызовет неприятие и нападки, я убедился раньше, чем ожидал. В первых же отзывах посетителей всемирной сети в адрес харьковского издательства «Фолио» прозвучало оскорбление, а мою скромную персону отождествили с неким несостоявшимся филологом, который давно проживает в Канаде. Воистину справедлив харьковский Одиссей: «Интернет – гигантский мусорный ящик с отбросами человеческой глупости и чепухи. Особенно форумы – дурь человеческая в них видна как нигде».

Впервые книги Лимонова я прочел в начале девяностых в Киеве. С тех пор пополняю библиотеку его новинками, с

интересом и сопереживанием наблюдаю за выступлениями и политической деятельностью. С грустью почитаю тех его критиков, противников, хулителей, которые порой не знают, как бы побольнее пройти по отдельным эпизодам творчества или жизни писателя. Не по нраву книги – ради бога, обратим взор к другим авторам. А уж о личном спекулировать – значит элементарно демонстрировать низость нравственных устоев тех, кто самоутверждается подобным образом. Лимонов привык, что всю сознательную жизнь его обсуждают, комментируют.

– Со злобой, ревностью, с насмешкой, с ненавистью. Лишь иногда дружелюбно, – говорит он по этому поводу.

Счастливые встречи, случайности, Провидение подтолкнули Эдуарда Лимонова к странствиям. Если бы он в свои двадцать четыре не отважился покинуть Харьков, обосноваться и выжить в Москве, стартонуть за бугор, в семидесятые скорее всего его постигла бы драматическая участь многих украинских мыслителей. Но Москва, хотя и бьет с носка, но позволяла порой своим инакомыслящим уезжать. Спасибо израильской визе. И силе воли.

Бывший сотрудник КГБ рассказал в девяностых дочери Александра Галича о масштабе репрессий начала семидесятых против инакомыслящих:

– В те годы раскалывались все. Есть только двое, которые не раскололись: ваш отец и еще один сумасшедший.

– Как же его имя?

– Лимонов.

Что упустили в Москве и УССР, сначала «надолжила» независимая Украина. Прокуратура уже в 1996 году начала «шить дело», в 1999 году на восемь лет запретили въезд в страну. А российские ученики Малюты Скуратова лишили писателя свободы с 7 апреля 2001 по 30 июня 2003 года. Застенки и угроза огромного срока его не запугали.

– Тебе жить, – говорил узнику совести один очень серьезный заключенный в Саратовском центре. – Он ударял на «тебе». – Каждый выбирает свою судьбу, и потом нечего пенять на последствия своих поступков.

Когда наконец Эдуард Лимонов приехал к матери, он ужаснулся. Из одиннадцати мальчишек его класса в живых после шестидесяти осталось лишь трое.

Энциклопедист и автор без малого полусотни книг, которые изданы во всем мире на десятках языков, не озлобился на минувшее. Он воспевает великую эпоху. Не зазнался – что поучительно для современников. Стоит очередному постсоветскому дарованию лицезреть свои вымученные тексты где-нибудь хоть на фарси, как сразу раздаются истошные вопли. А если в какой-нибудь заштатный средневропейский городишко пригласят и оплатят постой с проездом – «ховайся». Пустили Дуньку в Европу, вот, мол, мы какие. Невдомек бедолагам, что еще со времен развала за ненадобностью коло-

ниальных империй в бюджеты государств Запада закладываются подачки для слаборазвитых и изгоев. После 1991 года и нас причислили к данной касте.

Предназначение литературы, самоценного слова – возвышать нас над серыми буднями с их безжалостной размеренностью и вечными поисками места под солнцем. Книга подобна машине времени. Окно в мир, где человек мысленно вырывается из оков общественных предрассудков и ненадолго прекращает свое унижительное существование в качестве винтика государственного механизма, звена в цепи предсказуемой жизни.

Создавать, выстраивать свои произведения изящной словесности и обществоведения Эдуарду Лимонову довелось в условиях божественной комедии расцвета и заката СССР, эпохи развенчания мифов о всемогущей невидимой руке капиталистического мироустройства, хаоса и позорных годов русофобии и низкопоклонства перед западными буржуа, которые воцарились в России и Украине после Беловежской Пуши. Его книги – летопись загнивания западного общества потребления, разрушения международного порядка, который изобрели товарищ Сталин и господа англо-американские империалисты по итогам 1945 года. Его политические сражения достойны пера Сервантеса. Его лирика в прозе и поэзии задела меня за живое, поэтому я и решился рискнуть сочинить эту книгу.

Конформиста писатель презирает. Сказать, что ненави-

дит, будет искажением истины. Ненависть – это слишком сильное чувство. Он не переносит приспособленцев. Высмеивает всегда чопорно испуганного буржуа. Он человек искусства. Обличает демократию за ее посредственность. И не молчит. Сегодня подняли голову фашизм и антисемитизм, шовинисты правят бал в больших и малых странах, но множество наших земляков – инженеров человеческих душ, предпочитают строить из себя великих царедворцев либо, что порой еще комичнее, политкорректных звезд книжного рынка.

Я родился в семье писателя и с молоком матери впитал букет мироощущений, без которого не мыслит себя литературная среда. От восторгов и слез из-за одной-двух строк до убийственной зависти и холодного расчета в алчном добывании славы и благ. Лично знаком с сотнями литераторов, многих уже нет с нами. Замечал, как часто живой автор и его творения имеют мало общего между собой. Бывало наоборот – строки до боли правдиво отражали образ мыслей и жизни их творца. Мне представляется, что творчество, политическая, жизненная линия Эдуарда Лимонова характерны именно для отечественной, русской и украинской литературы, где столетиями книга и государство, поэт и самодержец неразделимы и непостижимы в отрыве друг от друга.

Эдуард Лимонов – зеркало упадка СССР и рождения на его развалинах непонятного общественного образования. Ученые оперируют определением «транзитивный, переход-

ный строй». Транзит привел в тупик? И мы уже перешли, пришли в тот мир, где в ближайшие десятилетия экономически для россиян и украинцев по сути ничего не изменить? И вместо мечтаний и рассуждений о миражах в дне грядущем стоит посмотреть правде в глаза и познать суть происходящего с нами? О каком европейском выборе можно дальше продолжать кликушествовать, когда элементарная поездка на Запад для наших граждан становится унижительнее, чем для жителя оккупированной немецко-фашистскими захватчиками части СССР? Может, именно сегодня, как никогда, наступил час поступка, смелости выбора, открытости слова. Пора развенчания мутных легенд и утверждения ясной истории. И элементарной начитанности?

О читающих:

*Читатель-простак любит Евтушенко
повыше рангом – Вознесенского
интеллигент элитарный считает что любит
Бродского*

*Исключительные люди любят Лимонова
Время старого пафоса во всех его формах прошло.
Пришло время условности.*

До ноября 1980 года за свои тридцать семь Эдуард Лимонов освоил около тридцати рабочих профессий. С ноября 1980 года более десяти лет он является одним из передовых литераторов Франции, Европы, международного книжного рынка. В начале восьмидесятых первый роман неизвестного

автора только в Голландии и ФРГ продали в количестве 85 тысяч экземпляров. На Франкфуртской «бухмессе» 1985 года французские издатели продали права на семь произведений, одно из них – манхэттенского и парижского странника Лимонова. Тогда на всю Францию лишь несколько сот авторов были настолько популярны, что жили исключительно за счет гонораров. С конца восьмидесятых писатель идет путем профессионального публициста и политика. Батяка Лимон – человек убеждений.

– Если у человека есть убеждения, рано или поздно он неизбежно становится радикалом. Даже если просто любит кого-то, – Лимонов не отделяет в себе писателя от политика. – Не распилить же меня двурукой пилой и указать – эта часть – писатель?

Дзержинск. Харьков. Москва. Рождение поэта. 22.02.1943–30.09.1967

Эдуард Вениаминович Савенко родился 22 февраля 1943 года в Дзержинске Горьковской области. По буддистскому календарю – в первый день Нового года. Детство, возмужание и свои университеты пережил в Харькове. Мать, Раиса Федоровна Зыбина, родилась в деревне Новь Сергачского уезда на Нижегородчине. Ее отец погиб при обороне Ленинграда. Отец, Вениамин Иванович, родом из городка Боброво Воронежской области. А его отец, Иван Иванович Савенко, учился в одной школе с выдающимся хирургом Николаем Бурденко. Донские казаки Савенки вышли из деревни Масловка Воронежской области. Бабушка Вера, в девичестве Борисенко, рассказывала внуку Эдуарду, что в их роду был и сотник-осетин. Нижегородский край подарил российской литературе еще одного революционера, одного из самых любимых писателем за его стойкость и величие слога бунтаря – Аввакума Петрова. «В ваших душах черви кипят! Дайте только срок, собаки, не уйдете от меня... Знаю все ваше злохитрство...» – таков был его слог.

В православных святках нет имени Эдуард, а в католи-

ческих его именины приходится на 5 января. На староанглийском «Эдвард» – богатый, счастливый, процветающий, покровитель, охранитель, часовой. «Вартовий». Отсюда, может быть, и название романа-дневника «Убийство часового (Дневник гражданина)» о смуте в Восточной Европе после краха социалистической системы. Ровесник знаменательного февральского сражения, когда впервые немецкие захватчики понесли сокрушительное поражение, а их пятидесятидвухлетний фельдмаршал Паулюс капитулировал, носит знакомое и привычное для тех лет имя, когда счастливые родители называли чад и по книгам, и по фильмам, и по передовицам: Сталина, Мэлор, Ленгина, Стэлла, Вилли, Джермен, Робер. Родители надеялись, что детей их детей уже никогда не постигнут голод, холод, лишения и ужасы войны. Савенко покрестили сына по православному обряду.

– А знаешь, – вспоминает, – имя Эдуард получил я от своего военно-полевого энкэвэдэшного папы в честь революционного романтика поэта Эдуарда Багрицкого (он же Дзюбин). «По рыбам по звездам проносит шаланду...», «Чтоб звезды обрызгали грудю наживы: коньяк, чулки и презервативы...»

Сидел мой папан в кабинете и читал Багрицкого, наслаждался, а тут ему позвонили и говорят – сын родился, проблема как назвать. Естественно, взглянув на обложку книги, папан меня и назвал... Много лет спустя жалел, кто мог

знать, говорил он мне виновато... Как многие офицеры, он верил в сверхъестественное и в то, что явления и предметы мира взаимосвязаны. Поэтому я стал (к моему и их несчастью) только потому, считал мой папа Вениамин, что он дал мне имя поэта...

Что у Багрицкого читал Вениамин Иванович? «Думу про Опанаса»? «Весна, ветеринар и я»? И как родители новорожденного представляли, что случится с их чадом? И тогда и по сей день нас в истории СССР, России, Украины окружает неопределенность и недоговоренность. Идет 2010 год. До сих пор февраль 1943 года звучит победно. А ведь в те же дни бойцов Красной армии в Харькове ожидал разгром. Второй после мая 1942 года, когда сталинские военачальники Тимошенко и Хрущев привели к гибели сотни тысяч защитников Родины и бесславно бежали от Харькова. В том числе и от Паулюса. Повторная попытка в феврале 1943 года отбить первую столицу УССР опять привела к огромным потерям и сдаче города уже в марте.

После окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 годов из всех родственников мужского пола Эдуарда в живых остался один отец.

В переименованной в Дзержинск деревне Растяпино Раиса Федоровна работала на оборонном заводе. Лейтенанта НКВД Вениамина Савенко направили ловить дезертиров в марийской тайге. Перед отъездом он нашёл толстый слой до-

сок на стол, под который мать, уходя на смену, задвигала снарядный ящик с младенцем. Они боялись немецких бомбардировок. В рассказе «Кровати» их сын удивляется, как удалось избежать другой беды – не подавиться селедочным хвостом, который ему оставляли в руке. Потом, до того как Эдуарду исполнилось четыре года, молодой офицер Вениамин Савенко каждые несколько месяцев менял места прохождения службы. Гарнизоны и казармы Ворошиловграда, Миллерово. И наконец его перевели в Харьков. Сначала по-прежнему жили в казарме. Солдаты были няньками и мамками. Послевоенные тяготы. Голод 1947 года. Маленький Эдуард воображал, что вырастет и первым делом станет колбасником, старшим начальником по колбасе, и у него будет вволю колбасы.

В дошкольном возрасте, лет в пять-шесть, пошли с мамой на балет «Красный мак». К советскому моряку подкрадывается коварный китайский злодей. Музыка нагнетала тревогу. Зал замер. Маленький защитник заорал: «Обернись!» и побежал по проходу к сцене на выручку своим. В антракте зрители, среди которых многие пришли в военной форме, подходили к Раисе Федоровне и хвалили за то, что растит сына правильно, патриотом.

Только с 1951 года семья Савенко стала обладать собственной (полученной по ордеру) жилплощадью в двадцать квадратов в новом доме в Салтовском поселке (сейчас это

один из «спальных» районов Харькова – Салтовка). До этого отец уступил очередь на квартиру младшему по званию:

– Им нужнее, у них трое детей, а у нас – один ребенок.

В отставку Савенко-старший вышел в звании капитана. Поэтому говорит о себе писатель: «капитанский сын».

Первая Поперечная улица, дом 22. Двухэтажный дом. Три квартиры на каждом этаже. Может, это один из тех домов, которые, как киевский соцгородок на Дарнице, строили немецкие военнопленные? Новостройку на Салтовке отапливали печи. Газ в доме появился лет через шесть-восемь. Эдуард, Эд, закончил русскую среднюю школу № 8. Своего директора школьники прозвали Иосиф Виссарионович. Первое сентября встречал с избранной первоклассницей на руках, дочерью «первого родителя» класса, большого начальника или завмага. Украинский язык преподавали со второго класса, он хорошо его знает. В школе начал изучать французский. Много читал. Тяжело болел. Корь поразила зрение. Чуть не ослеп.

До одиннадцати лет был как «книжный червь» (по словам мамы). Книг из рук не выпускал. Готовил себя для дальних странствий. Собирал и классифицировал всякого рода знания. О растениях – если мог, переводил на кальку их внешний вид с указанием рода, вида, семейства. О животном мире. О римских императорах и французских королях. О геологических породах.

*Откуда это? Да откуда это?
такая грустная страдальческая форма листьев
Откуда о! Откуда это?
такая пыль на листьях
и такая
влюбленность в эту землю и несчастье...*

Лимонов вспоминал, как подолгу смотрел из окна родительской комнаты на одинокое дерево, растущее рядом с телеграфным столбом у обочины пыльной захолустной Поперечной улицы. С ужасом думал, что предстоит созерцать это дерево всю жизнь. Саженец пыльного деревца высадили отец, Эд и соседи. А во дворе посадили фруктовые саженцы. Одним сентябрьским утром 1954 года он шел через юный сад в школу. Вдруг остановился у молодой яблони под окнами соседской семьи Шепельских. Ощутил, как под осенним утренним солнцем снизошло озарение, его переполнила неведомая энергия, он почувствовал, что никогда уже не останется вялым и книжным созерцателем. В сентябре 2007 года Лимонов приехал проведать больную маму и вышел в сад. Сад постарел. Яблоня стала высокой, как сосенка. Это был урожайный год. Раздавленные яблоки устилали землю. В «Анатомии героя» писатель делится: «Я повинуюсь в известном смысле неведомым мне силам... Я верю в мифологический сказочный вариант своей судьбы».

В седьмом классе в 1957 году пришел в дом Вишневских,

репатриированных белоэмигрантов-французов. Их рассказы о Франции вспомнит в восьмидесятом, когда воочию увидит ее. Недавно харьковский литературный журнал «Союз писателей» опубликовал письма-воспоминания старшего Вишневого и его сына, брата Аси Вишневецкой, подруги юности Эда. Они возвращались из послевоенной Франции в Россию и до пересечения пограничной станции надеялись увидеть страну такой, какую им показали в лубочных «Кубанских казаках» (так мы до 1991 года представляли капитализм по дублированным западным фильмам).

В седьмом классе в возрасте четырнадцати лет Лимонов записывается в секцию вольной борьбы и занимается около года. Тренер Арсений предрекал ему спортивное будущее. Борьбу Эд оставил, потому что секцию перевели так далеко от дома, что приходилось ехать несчетное количество остановок. Он купил гантели и стал качаться дома, во дворе. В центре Харькова, напротив Благовещенского собора, однажды в начале зимы на спор переплыл речку Харьков. В четырнадцать поехал поступать в мореходную школу в Николаев. Но его познания морей и океанов, парусников, судовых вооружений не помогли: не приняли из-за зрения. С товарищами путешествовал на юг на крышах товарных и пассажирских вагонов, откуда они слезили с «черными рожами» от паровозного дыма. Однажды зимой чуть не замерз с приятелем насмерть.

В детском и отроческом возрасте Лимонов обожал

украинский кладбищенский сад.

Он проводил там очень много времени.

*И там же в пятнадцать лет он лежал сжимая
красную*

тетрадь.

Пытался писать стихи.

*Лимонов помнит как шумела в яблонях непогода и
басом*

*гудели старые тополя. Будущий национальный герой
любил маленькие зеленые яблочки.*

В пятнадцать лет отрок в ванной, общей для трех семей их коммуналки на Поперечной улице, дом 22, нашел хрестоматию по литературе, прочитал «Незнакомку» Александра Блока и был сражен наповал. Еще Эдуард Лимонов вспоминает, что читал Блока в библиотеке. Возможно, он нашел библиотечный том, с печатью на семнадцатой странице. Поклонник книг о кораблях, путешествиях, Галапагосских островах, Крестовых походах, императорах Священной Римской империи, «Наполеона» Тарле стал запоем читать стихи. При этом сам овладевал мастерством поэта, критика поэтов.

Приведем несколько его суждений. Велимир Хлебников сделал столько, что хватает как раз на дюжину первых русских поэтов XX века. Блок – стеклянноглазый денди, гибкий херувим со стеклянными выпуклыми очами и гетевским носом. Священный монстр, аристократический мистик. Перед ним трепетали и Анна Ахматова, и Марина Цветаева. Он упивался холодностью женщин. Его Прекрасная Дама –

продажная стерва. Пушкин – поэт для календарей, настолько устарел, что уже наше ничто. «Цветы зла» Бодлера – манифест современной городской эстетики, городской талантливости. Он увидел красоту эпохи улочек, городских фонарей, тусклой воды, города-монстра Парижа с его сотней дождей в год и старой ржавой Сенной. «Левый марш» Владимира Маяковского – безусловно, гениальная формула революции. Ахматову, как и Жданов, забраковал. Буржуазная дамочка в метаниях между алтарем и будуаром. Ее высокородный муж Николай Степанович Гумилев сдержанно мерцает в вечности, он пропитан мировой историей, высоки его мысли. Борис Чичибабин – харьковский Солженицын. Иосиф Бродский – спешит закаталогизировать, отметить в огромную бухгалтерскую книгу все вещи мира...

*Мне все равно. Я задаю вопросы
Не потому, что я ищу ответы
Не эти чайки – мощные насосы
Говна и рыбы. Даже не поэты*

*И нет, не мир, покатый и бесстыжий
Мне не нужны. Смеясь, а не сурово
Я прожил целый прошлый год в Париже
И, как эстет, не написал ни слова...*

Это поэтические строки героя датированы 1981 годом. К этому моменту он уже начал печататься, в 1979 году в США

издал книгу стихов «Русское» (в судьбе книги принял участие Бродский), начиная с восьмидесятого французы публикуют прозу (до этого получил отказы 36 издательств США). Эд на пороге славы, но не уступает, не поддается соблазнам общества потребления. Не продает и не отдает займы талант. Интересно, что свои стихи он впервые отослал в шесть или более журналов в Москве только в 1974 году.

И то накануне эмиграции, следуя совету, что за кордоном не помешают доказательства, что он гоним и его не печатали в Совдепии. Андрей Дементьев ответил на эти стихи полторастраничным разгромным письмом.

А самый первый опыт издаться связан с харьковской бурной юностью. Товарищи показали посвященные празднику Первоя стихи Эда в газете «Ленінська зміна» и получили отказ. Кроме отказа товарищи вернулись из редакции с рекомендацией читать «Как научиться писать стихи» Матусовского. Поражение запили «биомедицином» (от «біле міцне») в кустах парка Шевченко.

Пятидесятые годы подходили к концу. Покорили космос, подняли разрушенное войной хозяйство. В Харькове красную икру и камчатских крабов продавали по баснословно низким ценам. Икру накладывали деревянной лопатой из бочки. Народ сердился, что нечего купить пожрать. Икру и крабов считали бросовой едой. Пятнадцатилетний будущий поэт мужает. Наблюдает быт большого украинского города: соседи, детские дворовые компании. Покупки-приобретения

воспринимали как вехи семейного благополучия. Первый телевизор с линзой. У маленького экрана единственного на всю коммуналку аппарата собирались соседи. (Так было и в нашей киевской коммуналке конца пятидесятых на Гоголевской.)

Велосипед из крепких тяжелых труб. Красный мотоцикл «Ява». Швейцарский ножик из четырнадцати предметов. Показатель социального статуса и достатка, революционная для той эпохи вещь – холодильник.

Эд утверждает себя во дворе, на улице. В голове у него – каша из понятий «настоящие мужчины», оружие, уличные товарищи и «Три товарища» Ремарка, Жюльен Сорель, три мушкетера, Фидель Кастро.

Попадает в больницу. В психбольнице на Сабуровой даче лежали в свое время Гаршин, Врубель, Хлебников. Эд тоже познает прелести этого «шиздома»: «Сабурка в нас или мы в Сабурке».

К этим годам писатель не раз обращается в автобиографических фрагментах своей прозы, что послужило Александру Велединскому основой для создания кинофильма «Русское». О фильме, вышедшем на экраны в 2004 году, Эдуард Лимонов высказывается неохотно. Возможно, это связано с принципиальными сомнениями в уместности и возможностях экранизации прозы: «Мне представляется любая экранизация – огромное упрощение и огромное несчастье и для автора. Знаете, как Хемингуэй вышел из кинотеатра после

просмотра постановки «Фиесты» и сказал: «Они думают, что если взять сотни мексиканцев, два десятка коров, то это будет испанская коррида». Так и я считаю. Не надо».

В рабочем пригороде Харькова – на Салтовке – молодежь объединялась в племя. Малые племена входили в большие – харьковское, украинское. Школьники рано покидали парты и шли зарабатывать. Многие преступали закон. Начинали с романтики уличных подвигов, распевая: «На берегу стояла крошка Мэри, а рядом с нею рыжий боцман Боб».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.